

Ирина Батраченко

ПО НЕБУ БАБУШКИ ЛЕТЕЛИ

СТИХИ

Ирина Батраченко

По небу бабушки летели. Стихи

«Издательские решения»

Батраченко И. Е.

По небу бабушки летели. Стихи / И. Е. Батраченко —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-503892-0

Это третья книга Ирины Батраченко. Первые две вышли в издательстве «Алетейя» в 2010 и 2012 гг. В сборник включены стихи, написанные с 2009 по 2019 год. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-00-503892-0

© Батраченко И. Е.
© Издательские решения

Содержание

Когда порвутся бусы наших лет	6
Времена года	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

По небу бабушки летели Стихи

Ирина Евгеньевна Батраченко

Иллюстратор Елена Макарова-Левина

Иллюстратор Александр Арсененко

Иллюстратор Татьяна Митиенко

© Ирина Евгеньевна Батраченко, 2019

© Елена Макарова-Левина, иллюстрации, 2019

© Александр Арсененко, иллюстрации, 2019

© Татьяна Митиенко, иллюстрации, 2019

ISBN 978-5-0050-3892-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Когда порвутся бусы наших лет

1

Новый день начинается – брезжа и бредя;
с острой тенью воюет оконная ось.
На гербе здесь зачем-то рисуют медведя,
хотя мог бы, наверное, быть и лосось.
Продолжается день, тиражируя лица,
превращая пространство то в сцену, то в плац.
Здесь есть всё, как у всех; только эта столица¹ —

как и всё остальное – немного эрзац.
К ночи связан узор притупившейся спицей;
тощий сон мой еще до меня не добрёл.
...На гербе я зачем-то рисую жар-птицу —
там, где смотрит незряче двуглавый орел.

2

Ночь белыми снегами пролилась
как молоко из черного ковша.
На биржах ждут падения гроша,

¹ С мая 2000 по декабрь 2018 Хабаровск был столицей ДФО.

в шестых палатах психи делят власть,
пять континентов продолжают плыть,
четыре колеса в грязи буксуют,
фокстрот три полуграции танцуют,
а птица-тройка встала ноги мыть.
Сидят за пузырьём два капитана,
два берега пытаются сойтись...
А ты – один в утробе балагана,
Петрушка...
Да и к чёрту всё. Держись.
3

Необязательность дождя
и обязательность заката.
День закрывался, уходя,
кулисой с черною заплатой.
Пылал весь видимый театр,
и тихо громыхало где-то.
И ты был – мой неснятый кадр
и обязательность рассвета.
Необязательность вождя
и обязательность отката.
День закрывался, уходя,
конвертом с черною зарплатой.
Сенат чирикал, как щегол,
и Дума налагала вето;
и постаревший Чацкий шел
в свою облезшую карету.
4

О нем говорили, мол, горбатый уродец;
а что лоб высокий да глаза ясные —
так это еще больше раздражало народец
и красило лица и без того красные.
О нем говорили: дурак, мол, безумный;
а что видел он в каждой душе главное —
так это разыгрывалось на котурнах
и высмеивалось горожанами многославными.
Ему говорили: где ты – там и лихо;
а что он верными словами город спас —
так это не он, а Шут и Шутиха,
и с ними самонаводящийся правящий класс.
И он ушел серым днем в вечер белый,
и развязал незаметный всем узелок,
которым было стянуто его тело —
чтоб никто раньше времени догадаться не смог.
И – тугие! – вдруг вырвались крылья
из горбатой, битой камнями и взглядами спины;
И исчез он, блеснув серебристою пылью...

...Видно, так и надо народу этой страны.
Только этот крылатый опять к ним вернется —
в сказке Гофмана, опере Глинки, цветке;
и ему возвращаться-рождаться, пока у народа
не появится мирт вместо смерти в руке.

5

Настроив все свои антенны
на внешний мир, который сед,
ты сам себе рисуешь сцены,
которых нет.
Увязнув в схемах и оценках,
которых – тьма, в которых – пшик,
перестаешь любить оттенки,
но любишь крик.
Не слышишь Мунка и Вивальди,
в которых – мир, который сед,
и бьёшь цитату, как пенальти,
в чужую сеть.
Колосса глиняные ноги
дрожат, но всё же топчут стих;
все строчки – в снах, все песни – в Боге,
который тих.
Среди философичных фальшей
молчат Брокгауз и Ефрон,
и что-то важное всё дальше,
и гаже трон.

6

Вдруг чуешь – словом ли, рукой ли,
звездой, нашитой на ночи, —
что сыграны и спеты роли,
что всё сказали толмачи,
что больше ни креста, ни стяга
над нами жизнь не вознесет,
что, натерпевшись, ест бумага
перо, что линию ведет,
что Гейне – гений не бесспорный,
что Марк Шагал, но не туда...
Не зря мироточат покорно
плоды науки и труда.

7

Она поёт дискантом, эта луна —
Господи, я это слышу.
Она продолжается, эта война,
и подступает всё ближе.
Пирует эрзац, удушающе сер —

Господи, я это вижу.
К чертовой матери музыку сфер —
нам бы чего поживе.
Есть тысячи поводов радостно жить —
но, видно, не в нашем болоте,
где даже луна приспособилась выть
на злой и обманчивой ноте.

8

и не катится по накатанному
и не ездится по наезженному
расползается всё залатанное
и тоскуется по недонеженному
не летается по уже лётанному
не плывётся по уже плытому
свечи зажжены огнемётами
не живётся по уже житому

9

А жизнь опять меняет ценники.
За убежденья вновь сидят,
и торговые шизофреники
твоей судьбой руководят.
Всегда беременна запретами,
власть, поощряя суррогат,
плюётся жёлтыми газетами
и собирает компромат.
Раскатаны законы траками,
и кто-то едет волчьей тьмой —
но не в такси, а автозаками,
и в КПЗ, а не домой.

10

Печально, но вряд ли кому нужна
твоя геометрия арлекина.
Многим бы пива да эрзац-кина,
а ты тут всерьёз со своим пианино.
Страна давно превратилась в Тролльхаузен —
такие же праздники и те же порядки.
Разобран на цитаты тот самый Мюнгхаузен,
но жизнь по-прежнему строго по разнарядке.
В деревнях, кроме старых подков
на счастье, счастья никто не видит.
В городах, кроме новых оков,
ничего не получит тот, кто выйдет.
И кривляется в нас вечное «бы»,
заднего ума кособокая сила.

Это – невытравленные рабы.
...Тебе мама об этом не говорила?..

11

По белой дороге, похожей на ленту,
шагал человек, нарисованный кем-то.
Размахивал дудкой, похожей на флейту,
пел голосом, очень похожим на чей-то,
терялся в поргалах, похожих на гейты,
и сам был похож на себя – хоть убей ты.
Встречал он печалей, похожих на радость,
случайностей, очень похожих на гадость,
зверей, так похожих на добрых людей,
людей, так похожих на злобных зверей.
Он видел любовь, что похожа на сказку,
Пегаса, впряженного в сани савраской...
И только война ни на что не похожа:
у ней безобразная сытая рожа,
дурными вестями стреляющий рот,
который всегда по-чиновничьи врет.
Шагал человек от песков до причала;
от гор до полей его флейта звучала.
Хрипел флажолетом он ноту одну,
горюя, что мир так похож на войну.

12

Святая Мария
Святая Мария
Твоя благодать
Твои слезы святые
Дождями ручьями
Над миром над мором
Весною грачами
Над полем над бором
Зимой над крестами
Оливковой кущей
По осени стаей
Волковьей бегущей
А летом над дымом
Святилищ и войн
Мне даришь молитву
А я тебе вой

13

Каждый первый из нас – мыслитель,
эрудит и оригинал.
Наш распухший от дум числитель
знаменатель нести устал.

Извлекает ненужный корень
или в степень возводит пшик
и непонятый алкоголик,
и непуганый большевик.
По расчету, по цифре голой
в столбик загнан недлинный путь...
И увядший листок фиговый
прикрывает больную суть.
14

...Когда порвутся бусы наших лет,
рассыпавшись притёртыми годами,
сонатою окажется сонет,
и словом – струн прощальных флажолет;
и, в платьях с золотыми рукавами,
те, кто невидим раньше нами был,
вдруг явятся – над городом, над страхом:
– Любила ли? – Прощал ли? – Не любил?
И чин неважен твой, и вид, и пыл —
в зачёт лишь Свет в тебе;
всё остальное – прахом.

15

Всего лишь – провисшие провода,
всего лишь – солнце закатное.
Стоишь истуканом, и ни туда
не можешь идти, ни обратно.
И будто шагать уже ни к чему,
и будто воздух твой рвётся,
и будто уже никому, никому
обнять тебя не придётся.
И будто уже никого, никого
обнять тебе не придётся.
И я не могу понять одного —
при чём тут закатное солнце?..
...День сдёрнут, застрял в облаках, как дрон
в антеннах над кровлей храма.
Продавлен объявленный вечным трон.
И смазана панорама.
16

Жерновами по каждому время проходит,
и стакан в это крошево дней льет вискарь.
Заводной апельсин свой performance проводит,
и фальшиво звонит по нему пономарь.
А в чернильнице памяти – непроливайке —
самиздат и фарца, миру-мир и портвейн;
там всегда под дождем мокнет брошенный зайка,

курят хиппи и скоро родится Кобейн.
Оттого, что пропитаны мы, как гашишем,
дымом родины, добрый ты мой побратим,
недобитки, мы всё же допьём и допишем,
дорисуем, докурим, дождём. Долетим.
17

Все это – призвуки, морок, усталость.
Гулким форшлагом – война в голове.
Лезу на башню – лишь прыгнуть осталось.
В окнах мелькает валькирия... Две!
Воздух холодный. Дышу, как придется.
Пьет музыкант с золоченой трубой.
Вороном черным валькирия вьется;
крутится, дура, как шар голубой.
Ты не из нашей былины; Валхалла
ждет не меня. И заслуги не те.
... Там, где Хехцир-гора, птица слетала
с древа шаманов к амурской воде:
хвост – что копье для медвежьей охоты,
клюв – как пешня, чтобы лед продолбить,
перья в крылах – сабли тонкой работы...
Эй, птица Кори, лети сюда! фьюить!
Глянь, как стемнело в твоём Приамурье,
бубен услышь сиуринку-сама²...
Бьет он, колотит в него со всей дури,
голос сорвал и устав поломал.
Я – как шаман, только без барабана.
Пью с музыкантом и рот свой кривлю.
Кори не слышит. Боится обмана.
Кори, я тоже обман не люблю.
18

Вечер, штрихом рождённый, как графика —
красным лучом прошит.
Птицы включили радио Африка —
греются; зябко; shit.
Рано вернулись: лентами рваными
лёд ещё на реке.
Город проводит битвы с нирванами,
путаясь в языке.
Куклой, ходящей за руку с девочкой,
грусть шагает со мной.
Кто-то мне машет с финиша ленточкой;
впрочем, мне ли одной?..
Город, ты всё же отчим; не кровный мне.
Я к тебе не хочу.

² Сиуринку-сама у нанайцев – вращающийся шаман.

И за прищур твой сонный неровными
я стихами плачу.

19

Откуда взялся этот соль-дизел,
пронзивший плотный дым, восход и реку?
По праву «своего» он в уши влез
заведомо больному человеку...
Он острый, как корейская еда
в больших лотках на полнобрюхом рынке;
он синий, как хинганская гряда,
неровный, как щербина на пластинке.
Он громкий и нарочный, как «ура»
на площади у дома профсоюзов;
он липкий, как июльская жара,
он – доза в память, как спектакли ТЮЗа...
Я псих, наверно. Да, я шут и псих;
пора сливать пассажи из поддона.
...А соль-дизел – проклятие больных,
настраивавших жизнь по камертону.
20

чужомкаstyle

Природа здесь всегда
вынашивает лето
(так женщина растит в себе дитя),
чтоб к тундре мог припасть,
причмокивая цветом,
июль, от удовольствия кряхтя.
Тебе здесь ясно всё;
ты ладишь с этим миром —
чтоб сшить накидку из кишок моржа,
чтоб сделать каютак³,
потом ээк⁴ с гыргыром⁵
и лезвие для женского ножа.
Флейтовый свист крыла
птиц светлыми ночами;
лов корюшки сквозь ледяную сталь;
в блестящих щёлках глаз —
прощанье на причале,
и вечная, как мерзлота, печаль.
...Но где ты видел, чтоб

³ Каютак – общее блюдо (посуда).

⁴ Ээк – жирник.

⁵ Гыргыр – доски-огнива.

так небеса синели?
чтоб так в лиман вмерзали корабли?..
...Ты думал, что прилёт
на краешек постели,
а вышло, что на краешек земли.
21

Уезжаю. Просто чтоб уехать.
Вытянуть хребет свой на восток.
Полдороги по-китайски шпрехать
и с лапшой сёрбать кипяток.
Дед-попутчик перца в миску кинет,
чаю с хризантемой мне нальёт
и Россию, как занозу, вынет...
Только жизнь обратно запихнёт.
С дырочкой монету дай мне, птица
райская с рубахи расписной.
Лао, цзынь!..
В провинции родиться.
Через всю страну проволочиться.
И остаться с этою страной.

22

Гуляли ветры плутовские,
и на берёзе, хохоча,
качались духи городские
и ждали первого луча.
У них балы в такую пору,
когда их выдует из стен,
и Корф имеет в карты фору,
и наливает граф N.N.
И Унтербергер с эполета
сдувает тополинный пух...
Гуляй, хабаровское лето —
амурских волн шальной пастух.
23

Распласталось на городе лето:
белый пух тополей лезет в рот,
горожанин почти не одетый
с горожанкой такой же идет.
Вдоль по улицам – квасы и морсы,
кукуруза, пян-се и пломбир,
обмелевший Амур чешет косы —
окосел наш восточный фронтир.
Птицы квёлые ходят ногами —
видишь, голубь в асфальте увяз?
Восхищается кто-то югами,

только юг этот – вот он, у нас.
Вместо моря – Амур; так же жарко;
в пот бросает медведя с герба...
Не придумала лучше подарка
добрым хабаретянам судьба.
Пусть мошк`а с духотой правят краем,
но, тарифы и цены кляня,
всё равно мы туризм развиваем
и гостей зовем к нам в ебенья.

Времена года

24

Смотри-ка, год пошел с начала!
Он вылез, как из рукава
факира; смотрит одичало,
бубня январские слова.
Ты станешь выть с ним по-февральски,
как бес, глумящийся в трубе;
в апрель, на Пасху, мало-мальски
вдруг разберешься сам в себе.
Июль скостит тебе усталость
и даже вынет из кольца,
в котором жизнь твоя зажалась
и всё никак не вырвется.
В воображаемом пролазе
меж сентябрём и октябрём
тебя качнёт, как долю в джазе,
и снова выбросит на стрём.
Твоя декабрьская страница
послушно даст себя прочесть,
и пискнет за окном синица

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.